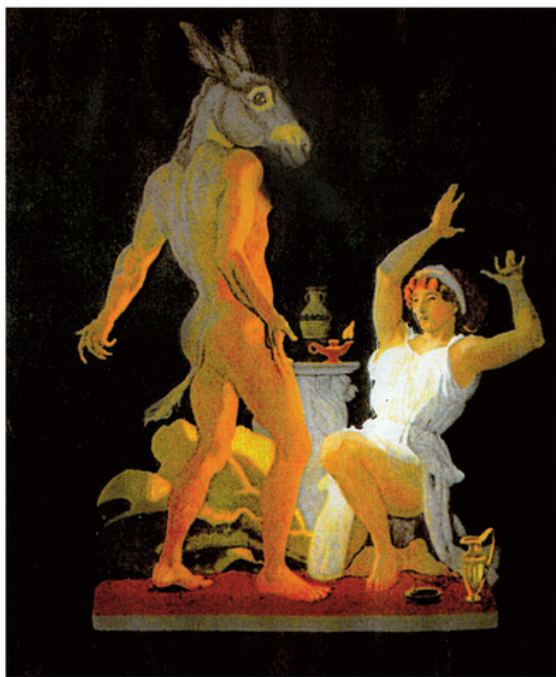

Фердинанд Фингер

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ

СЕКС ПО-РУССКИ

Фердинанд Фингер

Русская любовь. Секс по-русски

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6035908
Русская любовь. Секс по-русски: Издательский дом Тертеряна; Мюнхен;
2012
ISBN 978-3-9407-47-32-7

Аннотация

«В этой книге я описываю раскованную сексуальную жизнь молодёжи в городе Москве. Это было время после смерти Сталина – время Хрущёва и Брежнева, время «оттепели». Об этой полосе жизни почти ничего не написано, а провинциальные жители вообще не знают, чем жила городская молодёжь в те незабываемые времена».

Фердинанд Фингер

Содержание

Сексуальные метаморфозы	4
Вступление	8
Женщины непостижимы. О таинственной глубине Вечного Секса	11
Глава I	12
Я тебя хочу в любовной игре. Сексуальных страстей	21
Глава II	24
Глава III	41
Глава IV	50
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Фердинанд Фингер Русская любовь. Секс по-русски

Сексуальные метаморфозы

*Пейте, пойте в юности,
бейте в жизнь без промаха...*

С. Есенин

Verlag Terterian
Feldmoehinger Strasse 217d
D-80995 München
Tel.: +49-89-500 94 812
Fax: +49-89-420 95 22 77 9
E-Mail: zeltung@germaniaplus.de
www. germaniaplus. de

Сандро Боттичелли Рождение Венеры, 1482–1486 Уффици, Флоренция

В этой книге я описываю раскованную сексуальную жизнь молодёжи в городе Москве. Это было время после смерти Сталина – время Хрущёва и Брежнева, время «оттепели». Об этой полосе жизни почти ничего не написано, а провинциальные жители вообще не знают чем жила городская молодёжь в те незабываемые времена.

Вступление

Из глубин таинственного космоса вдруг появляется перед взглядом изумленного человека комета и, пролетая с невероятной скоростью, скрывается вдали. Наша короткая человеческая жизнь очень схожа с этой кометой. Пролетела – и нет ее. Где они, первые свидания? Где прильнувшие к вам губы и страстные объятия трепещущих молодых тел? К счастью, то, что было далеко – далеко, не исчезло совсем и осталось в нашей благодарной памяти.

В своей книге я хочу описать необыкновенный дар, ниспосланный нам, дар молодости, тот необыкновенный период, когда человека не коснулся быт, и его с головой не озаботили житейские проблемы. В этот счастливый отрезок времени необычайный взрыв гормонов ведет человека по пути Секса. Это и есть жизнь, переполненная счастьем и наслаждением. Она уйдет и никогда больше не повторится. Цените каждый миг молодости, когда идете по дороге.

Секс без утаивания, Секс во всех его проявлениях прекрасен и послан нам с небес. О его величестве Сексе пойдет речь. Будет описание того волнующего и счастливого момента в вашей молодой жизни, когда вы впервые при свидании прижали девушку к себе и почувствовали ее упругие груди, прижавшиеся к вам их соски. Будет описание момента оргазма, чувства неповторимого и желанного, всепобеждающего

чувства. Секса.

Я расскажу вам о сути Любви и полулюбви, взлете Любви и полного ничтожества полю-любви. В Любви женщина, лежащая рядом с вами, несмотря на прожитые годы, всегда готова отдаться. Желание быть близкой в Сексе у нее непреодолимо.

При полулюбви этого не бывает, и женщины сплошь и рядом отказывают мужьям под любым предлогом. Прикосновения супругов их раздражают. Муж, уходи от этой женщины. Если же семью благословляет Любовь, натягивай тетиву лука, зови Эроса и стрелой не промахнись попасть в таинственное место на свете – в цель, которую подарит тебе женщина, источник наслаждения и счастья.

Для вас, читатели, я делюсь наблюдениями о том, как на скамейке сидит старик, и что он чувствует, когда мимо проходит молодая женщина. Вся душа его дрожит при виде ее молодой походки, ее девических форм, которые когда-то он мог ласкать, мог обладать молодым телом, и это когда-то было для него доступно. Их поцелуи, подаренные когда-то его молодому телу, до сих пор обжигают его. Он их помнит. Вся его душа стремится побежать за ней, но он не может этого сделать – «силен встречный ветер». Поэтому остается только смотреть вслед. У старика на глазах появляются слезы. Это слезы утраченного счастья, счастья, которые ему дарили женщины. Плачь, плачь, старик! Станет немного легче, хотя уже никогда не поцелуют сладкие губы, и никогда не обни-

мут горячие молодые руки. Плачь, старик! «Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха, все равно любимая ответит черемухой».¹

А ты, молодой человек, пока есть возможность, догоняй девушку. Влюбляйся и погружайся в Секс, пока не поздно, пока тебе не отказывают в этом.

---

¹ С. Есенин

**Женщины непостижимы.
О таинственной
глубине Вечного Секса**

Глава I

Ирочка

«Ферд! Я очень обижена и даже не знаю, как тебе об этом сказать». Передо мной стоит девушка, звать ее Ира. Ее грудь поднимается и опускается от волнения. Я жду, что же она мне скажет, так как совсем не понимаю, чем мог ее обидеть. Она очень мне симпатична. Карие глаза на лице с изломанными бровями смотрят на меня в упор.

Меня зовут Фердинанд в честь дедушки – немца из Эльзаса. Такое имя иди-свищи по всей России, не встретишь. Поэтому друзья мое имя сократили и получилось что-то среднее между Фердинандом и Федькой. У меня новое имя – Ферд. Наш разговор происходит на центральной улице Москвы – ныне Тверской, у памятника Юрию Долгорукому, основателю Москвы в 1147-ом году.

По понятиям скульптура, он должен сидеть на коне с протянутой к Моссовету рукой, ну как у Ленина, и указывать России, по какому пути она должна пойти.

Смешно! Как он мог знать, по какому пути должна она пойти, да еще восемьсот лет назад.

Мимо нас спешат бедно одетые люди. Женщины почти все держат в руках «авоськи» – плетеные, как сетки, сумки, а вдруг что-нибудь успеют схавить из продуктов, конечно, если их «выбросят». Ботинки у большинства мужчин среднего

возраста советского производства. Мало того, что они примитивны, да еще вдобавок не чищены. Быт заедает. Движение транспорта довольно насыщенное. По улице еще ходят двухэтажные автобусы и троллейбусы. В «подстаканниках», то есть в стеклянных будках, сидят милиционеры. Внимая страстному зову весны, на липах по всей улице Горького набухли и лопаются почки.

Ну, вот перед этим огромным памятником весной 1956-го года мы и стоим. Мне двадцать два года, ей 19 лет. Одетая Ирочка в симпатичную кофточку Верхняя юбочка надета на нижнюю накрахмаленную. На ногах туфельки на среднем каблучке. Обязательно плотно обтягивающие стройные ножки чулочки. Не знаю, какими трудами дались ей эта кофточка или туфельки? Наверно, помогли родители. Современный читатель свободно может представить себе, как она выглядела. А так, как сейчас девушки одеты, танцуя «рок-н-ролл». Я просто обмираю, стоя перед ней. Я хочу ее и немедленно. «Мечты мои, где ваша сладость»!

Нет хаты. Ее правая ступня поставлена перпендикулярно к левой ступне. Я знаю, что она занимается балетом, и видимо, для того, чтобы подчеркнуть важность разговора, стоит в балетной позиции. Глупая, она думает, что стоит передо мной одетая. А стоит-то она голая, я давно в мыслях ее раздел и наслаждаюсь маленькой симпатичной родинкой на ее левой груди, наслаждаюсь ее стройными ногами и очаровательной попкой.

Маленький темный треугольничек между ее ногами, сбегающий с ее лобка, окончательно приводит меня в восторг. Нет, я так долго не выдержу. Я одеваю ее снова в одежду, но это мало мне помогает, не сбивает моего напряжения.

К несчастью, в те времена я встречался с Ирочкой редко. Проблема найти свободную «хату» для меня была очень актуальной. Как найти время, чтобы «предки»² смотались куда-нибудь, хотя бы часика на три-четыре. А ведь всему миру известно, насколько «предки» вредные люди, никогда не дадут «чувакам и чувихам» насладиться жизнью в полной мере. Нотации и морали – откуда они их только берут, и как им не надоест отчитывать своих драгоценных чад. «Ферд, смотри, мы с тобой встречаемся уже несколько месяцев, «редко, но метко», а я от тебя никогда не получила букетика цветов или коробку конфет». Как только она мне это сказала, во мне возникло абсолютное непонимание, чем она обижена. По моим тогдашним понятиям и пониманию моих друзей, подарки друг другу не нужны. Мы и не понимали этого.

Мы, мужчины, считали себя равными в правах с женщинами. Ведь я дарил ей не меньше, чем она мне. Откровенно говоря, она от меня требовала больше, чем я от нее. Ну, так и притаскивай при каждой встрече мою любимую наливку «Спотыкач». Научи меня быть благодарным. Тогда получишь цветы и конфеты. Хрена! Я никогда от нее ничего не получил. Сколько своих мужских сил и нежности я ей отдал!

---

² Предки – родители.

Она говорила мне о своей обиде, а я со страхом думал, что она сейчас уйдет, и я не почувствую теперь никогда на своей груди прижавшиеся ко мне твердые соски, не будет ее полных губ, приникших к моим губам долго-долго, и не будет больше того потрясающего момента, когда ее ноги обоймут мое тело, а ее язык переплетется в страстном поцелуе с моим. Я, конечно, мог бы найти почти единственный цветочный магазин в Москве или купить коробочку конфет.

Но не понимал, зачем, даже если бы были деньги. Я – человек абсолютно добрый. Теперь я понимаю, что это было ошибкой. Женщина есть женщина. В те времена не было меркантильных интересов. Все жили в коммуналках, и все деньги уходили на еду и жалкую одежду.

Ира закончила объяснять мне свои обиды, и я подумал, что сейчас она уйдет к тому, кто ей будет дарить цветы и конфеты. Но, к моему изумлению, она сказала: «Ферд! У моей подруги освободилась хата на целых четыре часа». За нами захлопнулась дверь чудесного пристанища. Вместе с ее стуком прочь полетела одежда, как листья с деревьев, сброшенные с ветвей порывом ветра глубокой осенью. В следующую минуту мы уже были на кровати.

Секс для нас был веселой игрой, и мы заржали, когда увидели, что ее лифчик повис на люстре. Ирочка была удивительной женщиной. Она, видимо, считала, что комната – это балетная сцена «Большого». Лежа в какой-ни-будь эротической позе, она допускала меня к себе, но как только я начи-

нал Секс, все больше утопая в нем, она вывертывалась и через секунду сидела, раздвинув ножки, где-то на столе. Представьте мой вид, когда я в голом виде, с моим крупным и изогнутом в виде лука членом, любимцем женщин, торчащим под прямым углом, ловил ее на этом столе и опять имел пару минут близости с ней.

Причем она как-то умела принимать такие позы, полностью открываясь, что я не понимал, как это вообще возможно. Она была просто гуттаперчевая, как люди-«змеи» в цирке. Ну, я, конечно, балет зауважал и те возможности, которые он дарил мне. Когда я, наконец, ловил ее и крепко прижимал к постели, то начинал «увертюру», так себе на часик. К своим двадцати двум годам я понимал, что грубость в Сексе недопустима, тем более с девушкой, имеющей отношение к музыке и балету Поэтому я начинал с любовной «увертюры», которую самый великий композитор на ноты не переложит. Не оставалось места на ее теле, которое я бы не обцеловал и не обласкал.

И вот когда после такой длительной «прелюдии», на протяжении которой я слышал «Дорогой, какие у тебя руки, какие руки, как ты умеешь целоваться!», то про себя думал: «Жди, жди, еще не то будет...» Наша комната превращалась в сцену Большого театра. Но с той разницей, которая в балете, к сожалению, не могла воплотиться.

Представьте, балерина без пачки, без пуантов совершенно голая исполняет танец Одетты, а балерун без трико, совер-

шенно голый, причем даже не знающий балетных движений, гоняется за голой балериной. Она – сплошное совершенство в балете с его невероятными сверхвозможностями. Я догонял ее, она, танцуя сложнейшие фуэте, ускользала от меня.

Я загорался и погибал в вожделении догнать ее и овладеть ею. На конце моего члена с крошечной прорезью посередине появлялась чудесная прозрачная капелька, которой было название «вожделение». Попадая под лучи света, проникающие через окно, эта капелька как бы наполнялась и блестела, как бриллиант. В какой-то момент Ирочка ловила меня, брала меня за член двумя руками и притягивала его ко рту, слизывая то, что было мужской страстью. Глаза ее в этот момент становились большими и были подернуты какой-то дымкой. Мне страшно нравились эти моменты.

Я добивался той точки ее кипения, когда увижу, что я ей больше нужен, чем мне она. Ждал, когда она сама захочет испытать полную близость. Все было «по Карнеги», который писал о том, что партнёру человека не надо ничего навязывать под давлением. Ему должно казаться, что он сам добивается чего-то от тебя и сам этого очень хочет. Вот в такой момент мне уже не приходилось бегать за своей «Сильфидой», как в балете. Она сама поддавливала меня и, истекая страстными флюидами, отдавалась мне.

Вот это и было той причиной, что женщины первыми меня не оставляли. В Сексе у нас не было никаких ограничений. Все было естественно и без фальши. Сейчас я еще боль-

ше понимаю то, что это и была настоящая жизнь, ее секунды, минуты и дни. Такие минуты дороже золота и бриллиантов. Юноши, цените их, потом будет о чем вспомнить. В принципе они напоминали скульптуру Родена «Поцелуй», где в мраморе высечена всепоглощающая страсть двух молодых тел, неразрывных в своем сплетении. Но все-таки это холодный мрамор, а не совокупление существ с горячей, пульсирующей кровью, утонувших в Сексе. Это вам не скульптура гениального мастера. Посмотрите – никто же не идет убивать соперника или соперницу после музеев или кино, сгорая от ревности. Не делают этого из-за того, что все это хотя и зримо, но виртуально. А вот если в жизни происходит встреча двух соперниц или соперников, только держись. Миллионы людей со дня сотворения мира стали жертвами сексуальных страстей.

Через часа полтора первая часть любовного спектакля кончалась. Затем начиналась вторая, точно такая же, как и первая. Ее попка мелькала по всем углам, и везде она давала мне частицу наслаждения. Потом я ловил ее и начинал свою прелюдию – «увертюру». Вообще-то она была молоденькой дурочкой, которая думала, что ее прелестная розочка между ногами – это ее громадное достояние. Она напрочь забывала, что это притягивающее мужчин место бывает для женщин очень опасно. К счастью, со мной эта опасность ее не подстерегала. Я всю жизнь очень бережно относился к женщинам, хотя в аптеки не заходил и контрацептивы не пробовал

никогда на себе.

Дорогой читатель! Тебе, наверно, жалко меня. Где тот могучий матерный русский язык? Я все мягонько: попка, розочка, объятия, совокупление и т. д. Я же не могу подражать Лимонову, чтобы у вас не отвисли уши.

Храню маленькую надежду, что тебе, Читатель, понравится изложение тончайшей материи в том стиле, в котором я ее описываю.

Пришло время, и мою Ирочку потянуло замуж. Я до сих пор судьбы ее не знаю, но думаю, что ей пришлось тяжело. Она привыкла к моей необычной выносливости. А она бывает у мужчин очень редко. Ну, в любом случае я ей поже-

дал самого лучшего, и мы расстались навсегда. Это было для меня делом нелегким. Но счастье, что настоящей любовью я ее не полюбил – было больше плотского, и поэтому на мою долю досталось меньше страданий, которые могли бы обрушиться в противном случае.

Я тебя хочу в любовной игре. Сексуальных страстей

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

С. Есенин

«Апулей» – любовная встреча. 1700 лет до нашей эры.

Ира была одной из многих наивных милых девочек, которых сейчас «днем с огнем не сыщешь». Она была воплощением Секса, веселого, подвижного, как ртуть, Секса радостного и животворящего, рожающего все живое. Когда я был с ней, у меня никогда не было никаких отрицательных эмоций, всегда покой и радость. Человек, ты должен быть самым счастливым на земле, когда в комнате Трое: ты, любящая тебя женщина и дающий всему на свете право на жизнь Секс.

Глава II

Взросление

То, о чем я написал, произошло через год после того, как я встретил свою первую женщину. Необычайную тягу к женщинам я почувствовал с пятнадцати лет, но не получилось осуществить ее, и я оставался невинным до 21-го года.

Это произошло в 1955-м году, в один из чудесных майских вечеров, когда ряд стройных молодых лип, растущих по всей длине улицы Горького и окаймленных на асфальте коваными решетками, дали первые набухающие почки.

Молодость и весна, игра гормонов повели меня на встречу с друзьями. Они стояли на другой стороне улицы и что-то оживленно обсуждали. А обсуждали они непростые дела: как «закадрить» девушек и пригласить их к кому-нибудь домой, туда, где «предков» след простыл. Мы знали, что самое лучшее место для знакомства с девушками – это выход из метро «Охотный ряд», как мы его называли, «Плешка». По сравнению со мной мои друзья были опытными охотниками, и у них уже побывало в руках много женщин. Название «Охотный ряд» оправдало себя. Я добыл свою первую женщину.

В переходе метро на сквознячке стояла женщина лет так 27-ми, как мне показалось. Я пересилил свое стеснение и разговорился с ней, сказал, что у меня комната свободна,

так как мать уехала куда-то к подруге на целую ночь, рассказал, что у меня есть проигрыватель с отличными пластинками и бутылочка вина. Девушка спросила, как меня зовут. Я сказал ей свое имя. Ее имя я как-то пропустил мимо ушей. Она сказала, что с удовольствием проведет со мной время – послушает музыку. Мы подошли к двери моей коммуналки, и огромным длинным резным старинным ключом я открыл толстенную дверь, обитую рваным дерматином.

Ключ, оставшийся от царских времен, был 25 см в длину, да и весил немало. Он был один на десять семей и прятался под половиком у двери. Впопыхах я ключ не положил на место, а взял с собой в комнату. Мы прошли на цыпочках по коридору. Свою дверь я открыл маленьким ключиком. Отдыхавшись, сели за стол и распили сладкую наливочку. Как я теперь понял, женщина – моя первая женщина – была опытной. Она с первого взгляда определила, что перед ней юнец, никогда не имевший Секса. Ясно, что у нее появилась редкая возможность развратить неопытного юношу. Ну, она и развернулась во всю ширь и мощь.

Была ли она проституткой или «честной давалкой», я не знаю. Помню только одно, что кровать, на которой происходили невероятные кульбиты и прыжки, стала подозрительно кряхтеть, словно бы говорила: «Пощадите меня». И вдруг она с грохотом развалилась, и мы оказались на полу, продолжая начатое действие.

Время двигалось вперед, ночь сменилась на предрассвет-

ные сумерки. Наступало утро. Скоро должна была придти мама. Я понес двойной урон. Потеря моей невинности обернулась еще пропажей старинного ключа от двери в 25 см толщины. С этого времени жильцы квартиры не имели возможности открывать входную дверь, а годами звонили в 10 звонков, чтобы им открыли.

Жизнь нашего «Вороньего гнезда» была основательно подпорчена. Может быть, эта женщина была фетишисткой, и стены ее комнаты были увешаны сотней разных ключей именно от юнцов, которых она запустила в жизнь, как сладкое воспоминание. Этого я не знаю. После этого женщину давшую мне первый бесценный опыт в Сексе, я больше никогда не видел. Пришла мама и, увидев руины, оставшиеся после нашего прелюбодеяствия, заплакала. Купить новую кровать мы не могли и месяца четыре спали на полу на матрацах. Мама ни о чем не догадалась. Я ей сказал, что кровать развалилась от старости.

После этого случая поехало и понеслось. Меня уже нельзя было остановить. Маховик раскрутился. Днем – работа, вечерами – встреча с друзьями и охота. Вечная гитара за спиной и бесконечное количество девушек, которые были такими же добытчицами, только по добыванию мужчин. В этом плаванье в море «свободной любви» мне везло. Когда я пел в компании друзей песни Есенина, то часто видел слезы на глазах наших подруг. На это я был большой мастер.

Шло время, и однажды я понял, что не во всякой компа-

нии можно чувствовать себя легко и безмятежно. Один из моих знакомых был маленький толковый еврей. Ростом он был 1 м 52 см, а девушки таких не любят. Ну вот, этот хитроумный парень приглашал к себе компании, состоящие из четырех парней и четырех девушек. Столько, сколько он мог оставить на ночевку.

Его расчет был в том, что кто-то из пар по пьянке рассорится, и он сможет поиметь обиженную девушку. Так часто и случалось. Однажды, встретившись со мной, он сказал: «Ферд, приходи с гитарой. Посидим, покурим. Выпьем, поговорим». Я ответил ему, что мне будет скучно, что у меня на сегодня нет «чувихи».

«Да не расстраивайся. У меня есть знакомая, работает в аптеке. Я и приглашу ее». Ну, я и поймался на это предложение. «*О темпора – о морес*» – «какие времена – такие нравы», по выражению древних римлян. Взяв гитару, я пришел на вечеринку В уютной квартире в самом центре Москвы я познакомился с четырьмя парнями и с их девушками.

Среди них была одна лишняя, то есть знакомая моего приятеля, довольно милая и, видно, неиспорченная. На столе стояли невиданные для тех времен яства: банки с крабами, черная и красная икра, свежие огурчики, водочка, свежие помидорчики, балычки и т. д. Вначале шел степенный разговор, как и полагается в присутствии женщин. Потом я пригляделся и увидел, что молодые люди – типичные уголовники.

А девушки – «марухи», т. е. подруги воров. Алкоголь развязал языки, пошел мат. Я вырос во дворе, где жили настоящие воры-«медве-жатники», т. е. грабители банков, и когда находился вдалеке от щелястого стола, на котором они играли в карты, до меня доносился специфический мат. Если я сидел рядом, то при мне воры не ругались. Это были «авторитеты», «паханы», очень культурные и воспитанные люди. Кстати, удивительно обходительные и эрудированные.

Я с детства впитал в себя высшую школу мата, совершенно особенного и яркого по сравнению с тем, на каком говорят хулиганы. Игра в карты в нашем дворе всегда шла «по-крупному». Огромные деньги величиной с носовой платок с изображением Ленина мелькали перед картежниками. О! Если бы одну из таких бумажек имела моя бедная мама, учительница немецкого языка, мы бы почувствовали себя богачами. Мало того, что Сталин уничтожил ее мужа, и брата, и лучших друзей, он еще обрек нашу семью на нищету. Компания разогрелась, и я увидел перед собой дешевых хулиганов, а их дешевизну выдал мне их неуклюжий мат. «Марухи»³ не уступали им.

Та девушка, которая работала в аптеке, сидела ни жива, ни мертва, но почему-то уйти не решалась. Водка была выпита, все съедено, стол опустел. Наступило время спать. Всем были постелены постели.

Я сидел на кухне и тихонько играл на гитаре для одино-

---

³ Марухи – сожительницы мелких воров.

кой аптекарши. Вдруг из одной комнаты раздался страшный шум. Один из парней стал лупить свою «маруху», да так, что она едва успевала укрываться от ударов. Чем она не понравилась парню, я не знаю. Излупив свою подружку, он ворвался на кухню, схватил аптекаршу за руку и хотел потащить ее в свою постель. И тут произошло то, что я не ожидал. Она вырвалась из его рук, бросилась к окну, открыла его и пыталась покончить с собой. Я схватил ее за ноги, бросил на пол и закрыл окно. Затем кинулся к телефону и хотел вызвать милицию, но в этот момент я услышал: «Падла, шестерка, да мы тебя, сявку, порвем». Парень подступил ко мне с ножом, вырвал трубку, продолжая ругаться. Что мне было делать? Я понял, что девушке изнасилования не миновать. А если бы это случилось, милиция не стала бы долго разбираться, и за групповое изнасилование нам бы впаляли длительные сроки.

Парень был формально прав, вырвав у меня трубку. Решать, как выйти из этого положения, надо было немедленно, тем более, что он был сильно пьян, и желание наказать свою избитую подругу было очень сильно. На моем боку я почувствовал кончик ножа, по-блатному, «пера». Я страшно разозлился и набросился на него со словами, теми словами, в которых он должен был почувствовать угрозу своей жизни.

Я стал актером, применив тот «Базар», которому научился. Я сказал: «Убери «перо», «баклан». Затем, почувствовав, что ножик он отодвинул, набросился на него всем своим запасом слов, которые выучил от «авторитетов». Пьянь сошла

с парня, и он понял, что я «сиделый»⁴ и, может быть, в воровском мире играю какую-то роль. Я вдобавок заявил, что «мои кореша», такие-то, такие-то, «поднимут его на перо». То, что я хотел позвонить в милицию, стирало в его глазах мой вес как вора, но потом, подумав, видимо, он решил, что я никого не боюсь, смоюсь с девушкой после звонка, и что в любом случае меня «паханы отмажут». А может быть, он понял, что я «тюремный» человек, так как за вечер спел множество «забубенных» блатных песен, которые знают только серьезные уголовники. «Да ладно, чего ты поднял «кипеж», я так просто пошутил». Не зная, что он дальше будет делать, я, оскорбленный до глубины души тем, что у меня хотели отнять девушку и изнасиловать, прямым точным и очень быстрым ударом вложил в его «хлеборезку» все мои силы. Он упал, а я взял под руку Ольгу, и мы ушли. Наверное, из всей этой истории мой приятель все-таки выиграл. Может быть, «маруха» в обиде на своего парня ночью прилегла к нему и зацеловала в слезах его лысину. Кто знает? История умалчивает об этом.

Этот случай сделал меня очень осторожным в выборе компании. Ведь погибнуть было можно «ни за понюшку табаку». Через пару месяцев, проходя по какой-то улице, я зашел в аптеку и увидел Ольгу. Как она мне обрадовалась, описать не могу.

Спросила: «Что будешь делать сегодня вечером?» Я ска-

---

⁴ Сиделый – отсидевший срок.

зал, что свободен, друзья уехали за город. «Может, побудешь у меня в гостях?» В назначенный час я был у нее. Было очень славно. Она кое-что приготовила и накормила меня. Затем в разговоре сказала мне, что очень благодарна за то, что из-за моей помощи осталась жива. Оля сказала, что хочет стать женщиной, но с чего начать, она не знает. Я сказал: «Всегда пожалуйста. Раздевайся». Она разделась и, сгорая от стыда, отдалась мне. Секс был быстрым и коротким. Я такое не любил, особенно, если любовь возникала из чувства благодарности. Это был особый случай, и я не хотел продлевать свое знакомство дальше. Мы полежали еще немного, я оделся и ушел навсегда. Счастья тебе, Олечка!

Проклятые коммуналки: меня вечно охватывал страх, что соседи расскажут маме, что я творил со своими друзьями, когда ее не было дома. Во многих случаях это были невинные посиделки с песнями под гитару. Невинные-то невинные...

Однажды ко мне подошла соседка и заявила: «Фердинанд, ты «проститут». Это слово в мужском роде я услышал впервые. Такого слова в природе просто нет, и я не мог понять, что оно обозначает. Потом я догадался, что раздражение соседки было вызвано тем, что туалет на 10 семей посещали еще мои гости, а какую заразу могла подарить «золотая молодежь» — кто его знает.

Такова была жизнь в те далекие времена. Как отличается молодежь тех времен от теперешней! Я был в дружбе с ре-

бятami, которые проживали в совсем другой жизни, чем я. Один из них был сыном министра угольной промышленности Володя Засядько. Другой был сыном министра КГБ Серова. Так вот, и у них никогда не было денег. Мы перебивались иногда сбором пустых бутылок, или мои друзья опустошали огромные библиотеки отцов, изымая по одному какие-нибудь антиквариаты. Чем это заканчивалось в их домах, не знаю. Следы пощечин на их лицах я не видел. При таких родителях и такие послевоенные скромные ребята!

Где вы там, ребята! Наверное, занимали места директоров банков или сидели у Ельцина в правительстве. Если живы и доплелись до моего возраста, то купите эту книгу и позвоните в редакцию.

Посидим, выпьем, покурим и поговорим о наших «золотых временах»: «Феррари» или «Бентли» купить – для вас раз плюнуть, как и мне в мои 78 лет. А вот «стырить» книгу из отцовской библиотеки слабо, совесть не позволит. Да и бутылки будет стыдно собирать на любимый «Спотыкач». Так что ничего мы сделать при всем желании не сможем. А пригласить же девушку на бутылочку наливки, да провести с ней ночь – а! Их родители, занимающие крупные посты, жили совсем по-другому. Однажды, поднимаясь на лифте к Володе, я столкнулся лицом к лицу с министром культуры Фурцевой. Рядом с ней стояли три огромных «амбала», и каждый из них держал в руках большой поднос. На них лежали свежееотрезанны куски убитых кабанов, лосей, зайцев.

Вот так-то. А страна голодала.

Я неоднократно бывал в министерских квартирах, окнами выходящих на улицу Горького. Это были огромные квартиры метров так по 180, с коврами и пальмами. Мои же друзья – их дети – были абсолютно не испорчены этим богатством, не то, что мы видим сейчас. Их не коробила дружба со мной, не имеющим часто ни одной копейки.

Дом, в котором я родился, стоит в 70 метрах от железных ворот, отделяющих улицу Станкевича от улицы Горького. Желтый барский домик лет так 150-ти с венецианскими окнами стоял перед красным Моссоветом. Советской властью дом был разделен на множество клетушек по восемь-десять квадратных метров, причем высота потолков была около четырех метров. Поэтому комнаты выглядели как узкие пеналы, в которых люди и существовали. Коридор был заставлен четырьмя газовыми плитами. На входной двери, залатанной кусками драного дерматина по ее бокам, расположены 10 звонков, каждый к отдельному жильцу. В подъезде всегда пахнет мочой. Дверь подъезда никогда не закрывается, а туалетов в Москве – раз-два, и обчелся. Барская лестница широкая. Стены подъезда облупились, и из-под штукатурки видна дранка. Вот по этой лестнице и поднимались девушки, к которым привязан был я всей душой.

Однажды произошел случай, который мне очень помог в те времена. Сестра моей мамы, которая бежала из Германии в 30-х годах в Англию, вышла там замуж за лорда Англии

сэра Гринхила и иногда присылала маме посылки с одеждой. Она просила в письме, чтобы мама продала ее и как-то перекрутилась в суровойшей жизни.

И вот в одной из этих посылок оказалась невероятно красивая куртка зеленого цвета с черными полосами-квадратами. На ней было множество золотых «молний» и золотых пуговиц. Я был единственный в Москве, кто поймел цветную куртку. Меня прозвали «пестроклечатый».

У ментов чесались руки схватить меня как стилигу⁵ и отправить в милицию. Но настали другие времена. Был 1957-й год – Всемирный фестиваль молодежи. Представьте, как я выглядел: цветная куртка, штаны-дуды, через которые еле пролезала ступня. Они обтягивали ноги почти как чулок. В посылке также оказались ботинки из Германии «Дорндорф». Они были со страшно острыми длинными носами.

Под курткой – рубашка с цветастым галстуком. Это была типичная одежда молодого американца тех «элвисовских» времен. Иногда вместо этих ботинок я надевал ботинки с подошвой в четыре сантиметра. Эта подошва по краям выглядела как гусеница трактора, то есть была изрезана углублениями.

Я просто поражал обывателей своим видом. Ну, а «чуви-хи» вообще падали в обморок, не имея сил отказаться от знакомства с таким «красавцом». Ну вот, я и появился в один из прекрасных дней во время фестиваля на «Бродвее». Слу-

---

⁵ Стиляга – модник, выходящий из общепринятых рамок.

чайно познакомился с итальянцем лет 35-ти. Его звали Джованни.

Как он сказал, ему очень нравится Москва и русские люди. Был он директором какой-то «ливорнской» железнодорожной ветки. Хотелось свободы, хотелось познакомиться с иностранцем. Мне было 23 года, и я был непоправимо глуп по тем временам.

Такое знакомство запросто могло закончиться высылкой за 101-й километр от Москвы.

Там бы я смог бесконечно красоваться в своей одежде перед свиньями, лежащими в грязных лужах, курами и деревенскими бабами, лузгающими семечки.

Чтобы доставить моему другу удовольствие, я закадрил двух чувих и, проводив развеселую тройку к себе домой, сам пошел за вином и закуской. Купив все это, я побежал домой. Но не тут-то было. Меня схватил за руку мент. Я спросил: «За что?» Он ответил, что советская молодежь в такой одежде не ходит и что я выгляжу попугаем с Амазонки и позорю население Москвы: «Поэтому пройдем в отделение для выяснения личности».

Вот так в сопровождении мента, крепко державшего меня за руку, я проходил мимо своего дома. И – о, ужас! – из моего окна по водосточной трубе стала выползать одна из девиц. Какое счастье, что она не кричала: «Спасите, спасите!» В это время милиционер смотрел в сторону Моссовета и переговаривался со знакомым охранником, так что ничего

не заметил. Девушка со скоростью змеи спустилась и убежала. Что было бы со мной, если бы власти узнали, что у меня в доме иностранец, да притом что я устроил «притон» для свиданий!

Вернувшись домой из милиции, я увидел, что знойный итальянец не терялся. Как мне рассказала оставшаяся «чувиха», он стал приставать к той, которая убежала. Она была «динамисткой», как мы называли недотрог, испугалась, что он ее изнасилует. Поэтому и убежала. Когда я пришел домой, то увидел, что Джованни был «гол, как сокол», девушка тоже, и оба делали любовь. Причем я слышал тарабарщину, которую он нес: «Mio Amore», «Ию тьямо те».

Мать твою за ноги, жалко, я не понимал языка. А он говорил: «Моя любовь», «Я люблю тебя». Я думал, что быстрее и страстнее меня никого на свете нет, а оказалось, что я в конце очереди. Через месяцев семь после этого случая я встретил подружку итальянца с довольно приличным животиком, и она нисколько не горевала об этом.

Она с радостью сообщила, что с удовольствием родит полуитальянца, тем более, что родители не против. Джованни, ты давно уже на небесах, но знай, что где-то в Москве живет твой сынок или дочка. Кстати, через год после фестиваля в Москве появились тысячи детей-мулатов, а сегодня их дети очень часто являются ведущими на телевидении. Вот что творит быстрый Секс, дарящий жизнь талантливым людям.

Боже, в какие страшные времена мы жили! Связь с ино-

странцем грозила тюрьмой и психушкой. За эту куртку я еще раз был отведен в милицию и из-за сопротивления властям просидел с местной шпаной в «обезьяннике». Там мне пригрозили, что если я и дальше буду возмущать советских людей своим видом, то загремлю за 101 км. «Хрен вам, я назло продолжал одеваться так, как одевался. Кто не рискует, тот не пьет шампанское». Эти пять дней отсидки достались мне очень тяжело. Во-первых, ни за что, во-вторых, без друзей. После этого я быстро наверстал упущенное.

С другом Женей Свердловым, прекрасным аккордеонистом, мы быстренько зацепили Светочку и Сашеньку – двух медсестер, работавших в одной больнице. Боже мой, какое счастье мы испытывали вчетвером, когда выпадало время на свидания! Бедный мой диван, который я купил для мамы, продавая рыбок на «Птичьем рынке». Что он перетерпел от множества молодых прекрасных попок, пересидевших на нем. Наши подружки просто изнывали, слушая песни под гитару в сопровождении аккордеона.

Время, необыкновенное время, вернись! Я бы сейчас дал правую руку на отсечение, лишь бы случилось Чудо. Но так не бывает. Комок горя подкатывает из-за этого к горлу. Ну, хотя бы приснись в цветном сне. Мужчина! Ты живешь полной жизнью, когда ты молод, когда заигрываешь с женщинами, когда у тебя есть шанс их добиться. Все, что происходит позже с годами – это не полная жизнь. Она может быть добротной и цельной. Но это только полжизни. Остальная поло-

вина ушла от тебя навсегда – самая лучшая, самая желанная. Невозвратимая потеря.

Нам с Женей показалось, что мы влюбились в наших подруг. Но не случилось. Дьявол искушения повел нас по другому пути. В один прекрасный день Жене почудилось, что в моей подруге лежит больше кусков сахара, чем в его. Он сказал ей об этом, и, к нашему огромному удивлению, она согласилась спать с ним. Ее подруга перешла ко мне. И влюбленность прошла. Пришла пора обыкновенного Секса, не замешанного на Любви. Может быть, виновато количество вина, которое, как известно, играет большую роль в сексуальных отношениях. Черт его знает! Мы оба заметили, что утром наши птички, наводя «марафет», были очень довольны, что было написано на их лицах.

Они, наверное, подумали, что наша общая дружба от этого окрепнет. Вот дуры... Наоборот, наши отношения с ними разлетелись в пух и прах. Мы расстались. Это уже было чистое «прелюбодеяние». С этой точки зрения нам с Женей было обидно, что они так, «походя», нам быстро изменили, а с другой стороны, наколоть на булавку лишнюю бабочку, хотя мы не были энтомологами, было приятно – для коллекции. Между нами, впрочем, осталась крепкая взаимосвязь с девочками, но только в одном смысле. Месяца три-четыре они при малейшей возможности снабжали нас чистым медицинским спиртом, чем мы были очень довольны. По старой привычке, чтобы не нарушать покой соседей, поднимаясь за

водой наверх, мы черпали воду из аквариума, чем мои любимые рыбки, наверное, были возмущены. Уровень воды падал и падал, а добавлять мы забывали. Разводить же спирт водой за их счет не забывали.

В те годы я не понимал сам себя. Во мне, независимо от меня, крутился какой-то сексуальный маховик, причем с нарастающей скоростью.

Я гуляю по улице. Мимо идет девушка лет 19–20 или женщина под 30. Более старшего возраста меня не волнуют. Они кажутся мне старухами. Все, что шевелится вокруг меня женского рода, притягивает, как магнит. Идя по тротуару, я слышу, как шуршат чулочки, касаясь друг друга около заветного места, куда я стремлюсь всей душой. Меня, как магнит, притягивает запах женщины, которая проходит мимо.

Как магнит притягивают к себе ее волосы, ее походка и взгляд. Мне так досадно, почему это происходило тогда, 55 лет тому назад? А почему не сейчас? Раздень передо мной Венеру Милосскую – тьфу, она и так раздета – ну поставьте ее передо мной, я внимания на нее не обращаю. Любая женщина в сексуальном плане не представляет ни малейшей ценности. Она мне так же нужна в физическом плане, как пятое колесо в телеге. Все, конец, жизнь, кипящая и искрящаяся, ушла. Остались сумерки. Слава Богу, что сумерки теплые, рядом с моей любимой женой. А раньше? Тянуть – тянуло, но не так просто завоевать женщину, положить ее рядом с собой и почувствовать, что она тебя хочет, несмотря

на опасности, которые ее, бедную, подстерегают. Ее же надо как-то привлечь, обогреть, обласкать. Очень много забот для молодого человека. Наверное, легче в бою, где ты знаешь: есть два выхода – жизнь или смерть. А здесь ты не живешь и не умираешь. Ты стремишься к цели завоевать это тело и душу, но получится у тебя или нет, ты абсолютно не знаешь. Хотя, может быть, я знаю теперь много больше о Сексе благодаря тебе, дорогая Верочка. Вот видишь, прошло 55 лет со дня нашей с тобой встречи, а я помню о тебе.

Глава III

Верочка

Однажды я шел по старому Арбату Впереди меня шла юная девушка. Походка ее поразила меня. Она была необычайной, просто поражала какой-то необыкновенностью. Легкая поступь с грациозной осанкой. Всему этому придавала прелесть гордо поднятая голова. Идя сзади нее, я подумал о том, что такая женщина никогда не будет моей. Я просто бы ее испугался, не то, чтобы подойти и познакомиться. Это называется «Не по Сеньке шапка» или «Не в коня корм». Она была похожа на девушку с Кавказа. Я шел сзади и любовался ею, зная, что никогда с ней не познакомлюсь. И вдруг... увидел, что она споткнулась обо что-то и упала.

Я бросился к ней, посмотрел на ее правую ногу и увидел, что кожа вокруг лодыжки стала темнеть, а затем нога стала опухать, вернее, раздуваться. Я понял, что это классический двойной перелом, так как имел диплом преподавателя анатомии и физиологии и был спортивным тренером. С такими переломами я уже встречался. Потом я посмотрел на ее лицо. Она лежала с широко раскрытыми глазами, видимо, была в шоке.

Я сказал окружающим ее людям, чтобы никто ее не трогал. Благо, рядом был телефон, по которому я позвонил, чтобы вызвать «Скорую». Потом вернулся к девушке. Ее симпатич-

ное лицо было очень бледно, она, видимо, переживала сильную боль, но нашла силы улыбнуться.

Шок прошел. Я сказал, что вызвал «Скорую» и спросил, как ее зовут. «Вера», – сказала она. Чтобы отвлечь девушку от боли, я спросил, кем и где работает. Она сказала, что воздушной гимнасткой в цирке, и горестно добавила, что теперь, наверное, придется долгое время не выступать. Приехала «Скорая». Я спросил санитаров, куда они повезут больную. Мне сказали: «В Первую Градскую». На следующий день пришла суббота, я посетил Веру в больнице, угостил ее фруктами и пирожками, которые испекла мама. Посещения мои были довольно частыми. Во время одного из них я дал ей телефон моего друга Володи Кузьмина.

Этот телефон, висящий на стенке коммунальной квартиры, где жил Володя, сыграл два раза решающую роль в моей жизни. Время шло, и в один прекрасный день я решил навестить Володю дома, подошел к двери и услышал за ней, что кто-то звонит. Звонок был телефонный. Я тоже нажал звонок в Володину комнату, и в это время услышал его голос: «Подождите, кто-то звонит в дверь, пойду открою». Он открыл дверь и, увидев меня, сказал: «Ферд, тебя какой-то женский голос...» Это звонила Вера, и мы договорились о свидании. В эти времена мне сильно везло. Перед выходом на пенсию мама взяла в школе двойную нагрузку, и чтобы пенсия была побольше, пропадала там с утра до позднего вечера. Там и кушала. Днем это была обычная школа, а вече-

ром – школа рабочей молодежи.

Я тоже работал. Но время с трех часов дня до 11³⁰ вечера было мое. Однажды вечером дверь в мою комнату открылась, и туда пришел – влетел праздник. Это было необыкновенное счастье – встречать Верочку. Ее легкий, правдивый, тихий и ласковый характер просто обволакивал мою мятежную душу. «Вот как ты живешь, Ферд!» Как живу, так живу, Верочка. Убогая обстановка комнаток. Одна – 11 квадратных метров, другая – восемь. Не впечатляли кургузый фанерный шкафчик, сделанный когда-то отцом, диван и стол, накрытый скатертью. Вокруг стола – убогие венские стулья, аквариум. Это было все. Верочка принесла с собой бутылочку грузинского красного вина, которую за беседой мы и распили, закурили по сигаретке «Шипка». Верочка рассказала, что живет одна, снимает комнату. Родители живут в другом городе. Окончила цирковое училище и успешно работает воздушной гимнасткой в цирке на Цветном бульваре. Зарабатывает хорошо, на жилье, питание, одежду хватает. Верочка рассказала, что когда заканчивается сезон в Москве, ей вместе с труппой приходится гастролировать по всей России. Она очень страдала, что после травмы долго должна восстанавливаться. Она сидела рядом со мной на диване и рассказывала мне о том, что она чувствует на огромной высоте под куполом цирка. Затем нежно обняла меня за шею и прижалась щекой к моей щеке. «А ты, Ферд, любишь цирк и что-нибудь знаешь о нем?»

Что такое цирк, я знал не понаслышке. Когда мне было лет 11–12, я очень сильно подружился с одним мальчиком. Он был старше меня года на два. Имя у него было удивительное – Александр. Не находите ничего удивительного? А ну-ка, прибавьте к этому имени фамилию, и получится Александр Македонский. Вот теперь вместе получается удивительное повторение великого завоевателя. Мой друг был totally бесстрашным человеком, как и его предок, завоевавший полмира и дошедший до Великой Китайской стены. «Ферд! Сегодня мы пойдем в цирк». «В какой цирк, где деньги на билеты?» «Пойдем – увидишь».

Мы побежали на Цветной бульвар. По водосточной трубе поднялись на крышу цирка. На ней мы увидели много люков, видимо, для вентиляции. Один из них был полуоткрыт. Мы влезли в него и... об этом страшно вспоминать. Мы свалились прямо на огромную клетку с бенгальскими тиграми. Бестии, подчинявшиеся только укротителю, со страшным рычанием бросились к нашим ногам. Я до сих пор помню их огромные когти желтого цвета.

Решетки были довольно редкими, но, слава Богу, ноги наши попали на прутья, и мы перескочили на следующую клетку. «Хрен оказался не слаще редьки». Это была клетка со слонами, и их хоботы потянулись к нам, чтобы затащить нас в загон. Мы перепрыгнули на следующую клетку, тоже не очень-то для нас удачную. Там был десяток орангутангов. Эти рожи тоже проявили недовольство в связи с нашим втор-

жением. Счастье, что рядом стояла большая клетка с попугаями «Ара» – огромными и обладающими изумительно красивыми перьями.

Сидя на этой клетке, мы настолько обнаглели, что пытались вырвать из их хвостов парочку перьев на память. Затем Македонский крикнул: «Ферд, за мной», и мы побежали по опилкам к выходу на манеж, успев соорудить пару рож и гримас обезьянам, которые чуть нас не зацапали своими длинными руками. Мы пробежали мимо «ливрейных» к выходу на арену, задрапированному красной толстой тканью с золотыми кистями, и проникли в зал, заполненный зрителями, где и нашли пару свободных мест.

После этого мы с Македонским постоянно «тырились» в цирк, причем залезали только в люк, находящийся над клеткой с попугаями. Может быть, слоны и обезьяны – как известно, долгожители – помнят до сих пор наши ехидные рожи, попугаи так уж точно помнят. Они же живут восемьдесят-девяносто лет. Ну так вот, я сидел, обнявшись с Верочкой, и впервые в жизни не знал, с чего начать.

В мое сердце птицей влетела Любовь, а это такая штука, что не допускает никакой фривольности. Но, к счастью, мне и не пришлось самому ничего начинать. Верочка сказала: «Ферд, мне кажется, что я тебя люблю, чувство это пришло ко мне давно, и я хочу тебе сказать о нем сейчас. Я хочу быть с тобой». Она разделась, и я увидел безукоризненные формы ее тела. Оно было отточено многими годами с помощью

упражнений. Кожа у нее была необыкновенной упругости, с одной стороны, а с другой – как мрамор, лучший «каррарский мрамор».

Упругие груди, величиной с большое яблоко каждая, находились на небольшом расстоянии друг от друга и не требовали лифчика. Из-за своей профессии она была какая-то невесомая, тонкая, воздушно-прозрачная. Но что меня больше всего удивило – мелкое-мелкое дрожание, как бы озноб пробивал ее насквозь. И мы слились в одно неразрывное целое, и меня тоже пробил такой же озноб. Это был Секс, основанный на взаимной Любви и при полном доверии и преданности друг другу.

Любое мое движение вызывало ответное ее движение, абсолютно в такт. И это означало только одно – всепоглощающую страсть Любви. Мы были два магнита, которые даже при большом усилии нельзя было разъединить. Клянусь, если бы мне пришлось слиться с ней на сутки, я бы от нее не оторвался. Иногда я смотрел на ее лицо и в глаза, не понимая, что происходит. Они теряли свой карий цвет. Они как бы были задержаны дымкой, видимо, от страсти. После этого я опять ничего не видел, утонув своим языком в ее широко дышащем рте.

Какие там «Камасутры», какие «тантрические» лекции и науки! Да они и понятия не имеют, изображая живой Секс в скульптурах и картинках. Идите к черту, все эти книги! У вас все звучит искусственно и пошло. Сейчас был мой первый

полет под куполом цирка. Девочка была сплошным сгустком Любви и Секса.

Получилось даже так, что мы, не разъединяясь, упали с постели и так же, не разъединяясь, каким-то образом опять оказались на ней. Через полтора часа мы разъединились. Верочка встала, чтобы взять со стола недопитый бокал с вином. Сделала шаг к нему, и тут я увидел, что по ее бедрам стекают капельки прозрачной жидкости, которая обрисовала вокруг ее ступней мокрое пятно. Она смущенно посмотрела на меня. А зря! Я понял, что это влага, скопившаяся внутри нее, была выражением страсти, так сильно она меня чувствовала. Ничего моего в этой влаге не было, так как я очень берег женщин и никогда не позволял себе подвергнуть женщину беременности или аборту. Я уже писал, что никогда не применял контрацептивов и к помощи аптеки не обращался. Всегда я и мои женщины поступали так, что семя, делавшее меня мужчиной, не пропадало и шло на пользу страсти, туда, куда надо, но не туда, куда не надо. Всегда, как того желала женщина.

С Верочкой я встречался так часто, как мог. Я забыл думать о других женщинах и с друзьями не встречался вообще. Однажды она пришла и сказала, что сезон в Москве кончается и вскоре надо уезжать в трехмесячные гастроли в другие города. Я обомлел от ужаса. Я так полюбил ее, что и не мог представить расставанье с ней. Мы оба плакали, как бы что-то предчувствуя. Дорогой читатель! Ты наверняка зна-

ешь, что если женщина – ровесница мужчины, все равно она по своей женской сути старше его лет на семь, опытней. Она понимала, что Любовь есть Любовь, а жизнь есть жизнь.

Она не хотела обременять 23-летнего юношу бытом, понимая к тому же, что ее быт и ее семью по молодости лет устроить я не смогу. Прошло три месяца, и она пришла ко мне и сказала, что встретила мужчину, который хочет на ней жениться и иметь от нее ребенка. Верочка сказала, что работа в цирке представляет огромную опасность, и если она упадет, то в лучшем случае ребенка иметь не будет. А она о нем мечтает. «Ферд! Ты очень молод и сейчас для тебя не время жениться. Денег у тебя нет, жить негде. Я тебя люблю, но выхода у меня нет. Одной мне семью не осилить. Мой избранник старше меня на 10 лет, человек он добрый, хороший, но все равно я люблю тебя больше, чем его. Прости, если сможешь». Я слушал ее, понимая и не понимая. В этот день близости между нами не было, хотя сердца у обоих разрывались от боли. Но какой-то порог, произошедший в наших отношениях, преградил путь к Сексу, который мы оба бешено желали. Она не хотела изменять избраннику.

Верочка! Я пишу эту книгу в 2012-м году. А тебе, дорогая моя старушка, сейчас лет 79–80. Если ты жива и эта книга в Интернете попадется на глаза, ты вспомни обо мне. Господь за мою долгую жизнь послал мне четырех драгоценных женщин среди сотни других. Одной из них, безусловно, была ты. Последнюю, четвертую, я встретил через два года после

прощания с тобой. Я встретил ту единственную, с которой прожил уже 53 года. Эти женщины для меня – одно целое. Они – это ты, а ты – это они.

Глава IV

Восхитительная Зоя

После расставания с Верочкой я почувствовал себя бесконечно одиноким. Спасали вечерние прогулки по Москве. В это время женщины для меня перестали существовать. Друзья диву давались тому что со мной происходит. Будучи от природы мужчиной, одаренным большими сексуальными способностями и силой в этом непростом деле, я и сам не понимал, что происходит. Не это вечное влечение самца к самкам? Куда оно исчезло? Зато теперь, освободившись от вечной охоты за призрачной в большинстве случаев Любовью, я посвятил время на то, чтобы изучить город, в котором родился и вырос. Я обходил долгими вечерами улицу за улицей, наблюдая за его жизнью. Тогда, в 1957-м году, Москва была совершенно иной, чем теперь. Множество старинных купеческих и мещанских домов по сторонам изгибистых улиц были еще не снесены. Дома не блистали какими-то архитектурными излишествами.

В основном они были два с половиной, три этажа и были покрашены в желтые и светло-коричневые тона. Несмотря на их простоту, они создавали тот московский уют, который описал Теофиль Готье лет так 150 тому назад.

Обычно посередине дома располагался широкий подъезд. От улицы эти подъезды отгораживали красивые резные две-

ри, со временем сильно обветшавшие.

Деньги на оружие для разных стран у коммунистов были, а вот на ремонт домов их не было. Двери подъездов не закрывались, и москвичи, не имея общественных туалетов, использовали их как уборные.

Асфальт на узких московских улочках был в ямах, кривой и горбатый. Соответственно рельефу и трамвайные пути были извилистыми и горбатыми.

По ним, грохоча и вызывая звончками, шли трамваи. Кондукторы, на груди которых висела связка билетов, отрывая их, валились из стороны в сторону, хватаясь то за поручни, то за пассажиров. Билет на проезд в одну сторону через всю Москву стоил три копейки.

За окнами, полузакрытыми дешевыми занавесками, шла вечерняя сумрачная жизнь. Свет в окнах был неяркий из-за громадных абажуров, поглощавших его. То я видел дерущихся мужчин и женщин, то мать, склоненную над колыбелью ребенка, то какого-то читающего книжку интеллигента.

Вдруг появлялись картежники с замусоленными картами в руках. Частенько я видел женщин, которые шили что-то на швейных машинках. Нищета и безысходность выпирала в вечернее время из этих домов.

А вот и старик-часовщик с лупой на лбу, привязанной веревкой, на газете возится с часами в кружке скудного света. Запахи от вечерней готовки заполняли переулки. Все дворы заполняли кривые тополя, деревья, совсем не подходящие

городу. В месяцы их цветения было не продохнуть. Пух залетал в рот, за шиворот, в волосы. Часто толстый ковер пуха мальчишки поджигали, и он горел, как порох, сжигая чулки у женщин. Все жили одинаково, за исключением тех, кого выпускали за границу. Они жили в хороших домах и имели машины.

Но таких домов в Москве было не очень много. Во всех домах в теплую погоду перед подъездами сидели бабушки, лузгая семечки, и обсуждали все и вся. Звучало все так: «Ох, эти времена! И девушки не те, и «Боржоми» не тот». Шел вечный стариковский разговор. И еще всегда рефреном звучало: «Только бы не было войны». Нагулявшись по темным переулкам, я через каменный мост проходил через Красную площадь и подходил к метро «Охотный ряд». Это была наша улица-кормилица – «Бродвей». Это был другой город, другая страна.

С левой стороны – гостиница «Националы», в которой жил «Картавый», т. е. Ленин, дальше театр Ермоловой, дальше, через пару домов, Центральный телеграф, у подъезда которого вечно толпилась толпа из грузин в кепках с огромными козырьками. Что они там целыми днями делали, осталось для меня глубокой тайной. Напротив телеграфа в переулке был Художественный театр, а на углу – особый магазин, где продавалось шампанское в розлив с шоколадными конфетами. Мой папа, пока его не забрали и не уничтожили, часто после работы туда забегал и, пахнувший вином и табачком,

приходил домой, что маме очень нравилось. Мама понимала, что это было единственное развлечение мужа в этой серой жизни.

За этим магазинчиком был магазин духов. Духи были только советские. Женщины, побывавшие за границей, обходили его стороной, чтобы избежать запахов этой «замечательной парфюмерии». Там продавались духи «Сирень», «Красная Москва», «Камелия», одеколон «Тройной».

Около этого магазина и магазина «Подарки» вечно крутились резвые спекулянты с дорогушими французскими духами. Милиция их не трогала, так как жены милиционеров к советским духам не имели никакого отношения.

Дальше шел магазин, который их-за его длины и ужины москвичи прозвали «Кишка». Во время войны он был нашим кормильцем. Все десять витрин были заполнены тысячами банок со сгущенным молоком в виде стенок, зданий, да и просто кучами. Посреди них лежали сотни банок с крабами и банки с печенью трески. Они стоили недорого, но их никто не покупал. Не покупали крабов дальневосточных, которым сейчас цены нет.

За яйцами, мясом, хлебом, молоком, колбасой стояли длиннющие очереди. Эх, сейчас бы мне, западному человеку, вскрыть баночку крабов, развернуть пергаментную бумажку внутри нее, выпить сок из баночки, а затем съесть эту невиданную вкусность – самих крабов. Я отдам 20 евро за эту баночку, но не купить... На Запад настоящий дальнево-

сточный краб и «клешни не сует». Жалко, так жалко...

Дальше я перехожу площадь с Юрием Долгоруким и через два дома попадаю в «Филипповскую булочную». Этот магазин, роскошный магазин был построен купцами в «Серебряном веке», в XIX столетии. Барокко и ампир, мозаика и стенная роспись. Изумительно расписанный лучшими художниками потолок, мозаичный пол необыкновенной красоты, но это, при советской власти запущенное, все равно радовало глаз. Какое было несоответствие роскошного интерьера магазина с входящими в него плохо одетыми и дурно пахнущими людьми.

В этом магазине я по карточкам во время войны получал на маму 250 г черного мокрого хлеба, на брата – 200 г, а на себя – 150 г. Часто, умирая от голода, я садился под прилавков и собирал крошки хлеба, если они иногда падали вниз с огромного тесака, которым хлеб разрезался.

Часа через четыре у меня в руках был шарик грамм так на 80. Он был для меня дороже любого шоколада.

После «Филипповской» шел большой отель, из которого в 1937–1939 годах Сталин отправил умирать в лагеря сотни немцев-коммунистов, назвав их «врагами народа». Затем следовали несколько домов, а за ними – знаменитый «Елисеевский магазин».

Он повторял «Филипповскую булочную» по интерьеру, но был раз в двадцать больше. По всему периметру зала стояли на огромной высоте китайские вазы четырехсотлетней

давности, а с потолка свисали три люстры, по 6 тонн каждая. Немыслимое количество скульптур из мрамора украшало магазин.

Кассы, выдающие чеки, звенели звоночками. Они сами по себе были произведениями искусства. Чернил не хватит, чтобы описать всю эту роскошь. Высшие советские «бонзы» отоваривались в этом магазине, и в благодарность за услуги во времена Андропова директора этого магазина расстреляли, причем ни за что. Слишком много людей наверху были завязаны в коррупции.

Вот рядом с этим магазином в переулке и притулился маленький домик, в котором жил мой приятель, барабанщик Сема Лифшиц. Он был нарасхват в разных оркестрах, да и на халтурах зарабатывал прилично. И вот в один из дней, ведомый одиночеством, я вошел в незапертый подъезд его коммуналки. Я был с Семой одного возраста и не привык предупреждать его о своем приходе. Так же и он мог посетить меня. Все делалось спонтанно. Вот и я, не постучавшись, открыл дверь в комнату Семы и замер от удивления и какой-то щемящей надежды на будущее. На широкой кровати, повернувшись лицом к стенке, похрапывал Сема. Рядом с ним, не прикрытая одеялом, лежала божественная женщина рубенсовских форм, белокожая блондинка «а ля» Мэрилин Монро.

Я оторопел и даже пожалел, что не ударник, а гитарист. Зря так подумал. Оказалось, что в женских глазах гитарист,

да еще поющий, в сто раз ценней, чем вечно стучащие барабанные палочки. Если бы эта «чувиха» жила во времена Рубенса, она наверняка стала бы его натурщицей и прославилась на века.

«Ну и Сема, ну и стервец, скрывать месяцами такое сокровище от друзей – это нехорошо», – подумал я. Взялся за ум, вышел за дверь, тихонько прикрыл ее – и громко постучался. «Кого там черт несет? Поспать не дают!» Сема сел на кровати, приоткрыл один глаз. «Это ты, Ферд? Заходи». Его чувиха быстро натянула одеяло на себя. Я подошел к кровати, поздоровался с Семой. Из-под одеяла высунулась рука его подруги с изящной тонкой кистью и ухоженными ноготками. Я поздоровался. «Меня зовут Зоя».

Я подумал про себя, что, наверное, весь СССР погряз в этих Зоях. До этой Зои у меня побывало целых три Зои. Все они, как на подбор, были чудесными и честными «давалками», но их минус был в том, что при моем расставании с ними они долго плакали, терзая мое сердце. «Очень приятно познакомиться». Мне показалось, что при этих словах Сема даже вздрогнул. Как показало время, вздрогнул совсем не зря. «А как зовут вас? Хотя Сема вас назвал по имени, но я, простите, позабыла». Ну, я и напомнил, что зовут меня Фердинанд. «Какое прекрасное имя, но очень длинное. Можно, я вас буду звать «О, Ферри». Так на некоторое время у меня появилось новое имя, и мне даже это очень понравилось. К моей куртке это имя подошло больше, чем Ферд.

«Я что-то не встречала вас на «Бродвее». И как я могла такого симпатичного парня, да в такой шикарной куртке, пропустить?»

Про себя я подумал, что лучше бы она оценила мои песни, чем куртку. Тогда бы я определил, управляет ею вещизм или душевные порывы, хоть поплакала бы. Перед уходом я сказал: «Сема, я не ожидал от тебя такого сокрытия этакой красоты. Мы же ни одну из наших «чувих» от тебя не скрывали». «Ну ладно, Ферд, не обижайся – вот и познакомился». В тот момент, когда он мне это сказал, я почувствовал, что Сема очень недоволен моим приходом. Немного поговорив, я распрощался с Семой и Зоей № 4 и ушел, твердо решив заполучить такое чудо.

С этого дня я постоянно дежурил недалеко от дома Семы и подловил Зою, когда она подходила к его подъезду. Я очень был удивлен тем, что мне не пришлось долго ее просить к Семе не заходить. Я очень постарался накопить деньги на ресторан к этому дню «Х». И они мне оченьгодились. Я ее пригласил в ресторан Всесоюзного театрального общества, чем ее просто очаровал.

Имя «О, Ферри» плюс ресторан, плюс гитарист, плюс «сердцеед», прочитавший сотни книг, сделали свое дело. Зоя мне рассказала, что она устала за год дружбы с Семой, устала от его некрасивого лица, хотя отметила, что парень он хороший. Сказала, что устала ходить на его «халтуры», куда он постоянно ее таскал.

Добавила, что не может больше слышать стука его барабанных палочек, так как от этого у нее болят ушки, особенно на репетициях. Сама она работает переводчиком с английского на русский в какой-то редакции. Имена англичан, которые что-то писали и говорили 1000 лет назад, посыпались на меня.

Я о них и слыхом не слыхивал, конечно, за исключением больших имен. Но я был хитрый и делал вид, что, конечно, всех их знаю и «снимаю перед ним и шляпу». «О, Ферри, какой вы умный, – лепетала она. – Вы мне все больше и больше нравитесь». На меня посыпались бесконечные комплименты.

Я понял, что ухватил рыбку крючком за губу, и теперь она моя. Но у меня в голове копошилась неразрешимая проблема: где найти свободную «хату», так как в данный момент с нею у меня не ладилось. Стыда, что я увел Зою № 4 от Семена, у меня не было.

Во-первых, у нас не было случая, чтобы кто-нибудь скрывал свою девушку от друзей. Во-вторых, она не была его женой. А в-третьих, она уходила от Семена добровольно. И вдруг Судьба прислала мне избавление от моих страданий.

Мой друг Володя Кузьмин уехал на месяц в командировку и оставил ключи от комнаты в коммунальной квартире. Теперь все было шикарно – эта почти Мэрилин Монро была моя. Спасибо тебе, Семен, хотя я зря сказал это.

Семен страшно разозлился, что Зоя ему, известному ба-

рабанщику, предпочла гитариста, к тому же неизвестного. И своими барабанными палочками он пробил мне не только голову, но и душу. Чуть позже я расскажу об этом. В то время, когда мы сидели в ресторане, я предпринял честную попытку кое-что рассказать о себе. Я сказал, что таких денег, как у Семена, у меня нет, да и вообще редко бывают. Я ей сказал, что представлю ее всем четырем друзьям, нисколько не боюсь, что она уйдет от меня к ним. Что я человек хороших правил и никогда не упрекну ее в измене. По моим понятиям, «рубль на полтинник не меняют».

Я уже кое-что в ней разглядел, что, несмотря на серьезную профессию, больше трех извилин в ее головке не было. Она жила, работала и порхала по жизни, как бабочка. Меркантильности у нее не было, и она даже предложила располовиниться на ресторан. Конечно, я отказался. К первому вечеру у Володи Кузьмина я подготовился основательно. Я и мои друзья были страстными меломанами. В комнате тихо пел рокочущий бас Луи Армстронга, или нежный голос Эллы Фицджеральд, или новый певец Элвис Пресли.

И вот наступил первый вечер нашей встречи. Хочу заметить, что Семен был первым мужчиной у Зоечки. В Сексе она понимала так же, как в теории относительности Эйнштейна. В отличие от нее, я знал формулу $E=MC^2$, что делало меня в ее глазах почти ученым почти такой же величины.

Я сидел напротив нее с бокалом «Киндзмараули», бутылочку которого достал по знакомству, и любовался ее пол-

ной грудью, выступавшей из довольно смелого разреза кофточки. Мне так хотелось носом, носом влезть в эту очаровательную складочку между грудями и обцеловать, что только можно. Она была свежая и неизношенная, чем очень отличалась от Зои № 1, Зои № 2 и Зои № 3. Те были простыми девчонками или работницами, уже лет с 15-ти поменявшими десяток мужиков. От моей новой Зои пахло французскими духами, которые купить было невозможно в ее положении.

Наверное, об этом она попросила кого-нибудь перед свиданием, и сердобольный сотрудник прыснул на нее французскими духами. Я всегда страшно волнуюсь, открывая для себя новую женщину.

У меня все напряжено и пробивает мелкая дрожь, не видная для других. Хорошо тем, кто этого не знает. Я был как бы кладоискатель, который находит грязный комок руды, но не знает, что под слоем наслоений. А вдруг золото? Или новая порода бабочки с Амазонки, которую он видит издалека. Энтомолог весь трясется, а вдруг это что-то совсем новое, т. е. целое открытие. Для меня это новое исследование таинственного и неизвестного, того, что называется женщиной. А в этих исследованиях бывает всегда по-разному.

Внезапно из объекта исследования течет, как из ведра, страсть какими-то флюидами, так она тебя чувствует. Другой объект – сухой, как саксаул в пустыне, и абсолютно тебя не чувствует. В других случаях только дотрагиваешься до него, и он полностью готов ко всему, что предложишь.

Другой не сдается, и осаду приходится проводить целый месяц, а когда добьешься своего, пожалеешь, что столько трудов потратил. Больше одного способа не применишь. Скука смертная. Только наступило утро, а ты находишь тысячу причин, чтобы поскорее удрать куда попало. Они, как некоторые женщины в религиозных общинах. Мужчина не имеет права никогда видеть ее голой. Поэтому перед тем, как лечь на жену он накрывает ее простыню. В этой простыне есть маленькая дырочка, которая как раз сверху замечательной ловушки, в которую благоверный и должен попасть, чтобы зачать дите.

Тук-тук, тук-тук, и секс закончен. Будь здоров. И так бывает, только без простыни. Бывают такие, что им не до Секса. Страх «залететь» их сковывает так, как будто они лежат не в теплой постели, а их закопали в колотый лед. Вот и дожись от них страсти. Бывает так, что за ночь тебе не дадут заснуть ни на секунду. Женщина вертится, как волчок, на тебе. Так и кажется, что что-то у тебя оторвется и, возможно, думаешь об этом не напрасно. Ну, довольно об этом, бумаги и чернил не хватит. Зоя сидит передо мной, и я жду, когда начнется цирк. Я стал многоопытным и хочу-хочу теперь медленно наслаждаться тем, что будет происходить. Себе говорю: будь хладнокровным. Рыбка поймалась, и «держи марку», ведь у тебя было уже предостаточно всего и вся, к тому же всех мастей.

Наверное, знаете, дорогой читатель, сказку Пушкина

«Царь Никита» – нет? Напомню. У одного царя были очень красивые дочери, но при всех их достоинствах у них не было между ног того, что привлекает мужчин. Ну вот, царь обещал отдать их в жены тем, кто найдет эту деталь. Ну вот, один молодой посланец нашел на одном дереве десяток сидящих и весело щебечущих этих, так нужных царским дочерям, деталей. Привел к этому дереву молодого человека его нос.

В сказке сказано: «Черт возьми, знакомый дух!» Ну вот, они и сидели на дереве, все в кудряшках, да причем разных мастей – и рыжие, и черные, и блондинки, и брюнетки, и всякие разные. Молодой человек заплакал, не зная, как их достать с дерева. Затем догадался: вынул то, чем женщин соблазняют. Они обрадовались и колечками нанизались на его мужское достоинство. Так все дочери царя получили то, что просили. Вот и сказке конец. Поэтому я упомянул, что столкнулся со всеми мастями.

Моя Зоя № 4 совсем не была развращена. Вина почти не пьет, не курит. В этом отношении мне с ней скучно. Ну посмотрим, что будет, что будет. Зоя подсаживается ко мне и спрашивает: «Я тебе нравлюсь?» «Конечно, нравишься, а зачем же я тогда вытащил тебя из Семиной постели?» Я нарочно немного грублю. «Знаешь, когда мы ложились спать с Семей, он только и говорил о марках барабанов. Он и сам как барабанная небольшая палочка... Ляжет на меня, простучит по мне своей барабанной палочкой минут пять, потом отвернется и заснет. Неужели все мужчины такие? О, Фер-

ри, а что теперь мне надо делать?» Семен, ты что, дурак, что ты делал с Зоей семь месяцев, до чего ты ее довел! Она не умеет себя подать: пококетничать, посопротивляться, поиграть. Ну, чисто начинающая робкая студентка перед маститым профессором. Говорю строгим тоном: «Что тебе делать? Раздевайся, раз пришла».

Что творится у меня внутри, я тщательно скрываю. Ведь пройдет немного времени, и я вопьюсь в нее всем, чем только можно – членом, зубами, руками, ногами, языком.

Волнительный момент. Снимается блузочка. Снимая ее, она поднимает руки вверх, и я вижу свежесбритые подмышки.

Мужчины! Вы же знаете, как сладко целовать женские подмышки, прижимаясь к ним лицом, да притом если они пахнут французскими духами. Снимается лифчик, освобождая два больших нежнейших полушария, нисколько не опускающихся вниз. Снимаются юбочка, туфельки и чулочки. И вот она стоит передо мной в свои 20 лет голая, свежая, как сдобная булочка. Я сгораю в страсти. Но лобке нет треугольничка – растительного покрова. Она гладко побрита, т. е. эта часть тела как у 11-летней девочки.

«Вот это да!» – думаю я. Ну, раз так, значит, так. Принимаю с удовольствием. Мне хочется откусывать от нее маленькими кусочками частицы ее тела. Но я держу себя в руках. Медленно раздеваюсь и встаю перед ней.

Я представляю собой симпатичного мужчину 22-х лет с

узким лицом, довольно глубоко сидящими глазами, очень живыми. Рост у меня невысокий, 1 м 64 см. Хорошо развитая спортивная грудь, в меру покрытая темными волосами.

Хорошие ровные плечи и развитые бицепсы на руках. Стальной живот с рельефной мускулатурой. Немного кривоватые ноги устойчиво держат меня на земле. Они минимально покрыты волосами. Попа крепкая, нормального размера. Эти хорошие формы дал мне институт спорта и ему я очень благодарен за это.

Глаза у меня карие, очень выразительные, хотя и небольшие. Что касается моего мужского достоинства в его физическом выражении, то позволю себе сделать маленькое отступление. В оркестре есть скрипки и виолончели. Так вот, их величине соответствуют смычки.

Я с друзьями часто бывал в бане, ну как в фильме «С легким паром».

Так получилось, что все мои друзья, как очень крупные ребята, играли бы на скрипках. Их мужское достоинство больше соответствовало среднему смычку. Я же был наделен смычком от виолончели. Если я возбуждался, то на этот смычок можно было навесить приличную гирю, и он бы не сломался.

Я и стою перед Зоечкой в том виде, который описал: очень возбужден, в висках и между ногами пульсирует кровь. С другими женщинами я бы мог сбить это пламя страсти с помощью «увертюры». Но это мне не поможет. Она в Сексе ни-

чего не понимает, да и не скоро поймет. Я сажусь на стул и зову ее: «Зюечкa, иди ко мне». Она подходит. «Повернись ко мне спиной и садись ко мне на колени». Она садится и вскрикивает. Я обнимаю руками ее груди и тихонечко заставляю опускаться вниз.

Я медленно нажимаю на нее, и она скользит по моему горячему, очень большому для нее члену С большой силой обхватив ее грудь, я заставляю ее опускаться. Мне надо, чтобы она своей попкой коснулась моих колен и, наконец, несмотря на ее всхлипывания, она их касается.

«О, Ферри! Мне кажется, что ты достанешь до моего сердца». «Не достану, Зюечкa, до этого надо немножко подрасти». Сев на меня очень плотно, она вдруг захотела меня обнять руками. Рановато. Ведь сесть мне на колени – это все равно, что преступнику во времена Ивана Грозного сесть на приличный кол. Но «чертовка» находит выход. Она медленно поворачивается и уже сидит боком ко мне, а затем перебрасывает одну ногу через меня и оказывается ко мне лицом. Как она ухитрилась это сделать, я не понимаю.

Ей было очень больно по первой. Теперь она лицом ко мне. Мое лицо упирается в ее роскошную грудь, руки обнимают за талию. Она прижимается ко мне, крепко обнимает меня и замирает, в глубоком поцелуе сплетаясь с моим языком. Так мы сидим, тихо поднимаясь, опускаясь, покачиваясь где-то 30 минут. Затем она кладет свою головку на мое плечо и, обнимая меня, говорит: «Я тебя люблю и с твоих

колен не сойду. Как мне хорошо!»

«Сойдешь-сойдешь, дорогая, придет время, и ты перестанешь быть первоклассницей для своей и моей же пользы. Я научу тебя «кончать» вместе со мной, чтобы ты почувствовала, что это такое – настоящий, не барабанный или заячий Секс, который начинается и заканчивается через несчастные 20 минут. Так почти у всех, но этого у нас не будет. Я научу тебя, когда буду сгорать от страсти, в последнюю минуту высасывать ее из меня без остатка. Не спрашивай, как, потом узнаешь. А сейчас марш в постель, я научу тебя, что значит быть настоящей женщиной».

Затем я провожу Секс по более углубленному курсу. Подошел момент, я вышел из нее, и она, подчиняясь какому-то инстинкту, подтянула мое тело к своему лицу и выпила все, что мужчину делает мужчиной. Дурак ты, Сема, дурак. Только и умеешь прятать девушек в своей никчемной постели. Таким, как ты, нужно иметь в подружках какую-нибудь со-рокалетнюю старуху⁶ или «фригидную молодуху».

Слава провидению, что я уворовал у тебя мою Зюечку. Если бы нет, не узнала бы она, что такое Секс, а осталась навеки «фригидной телкой». А может быть, женился на ней, ничего ей не дав, кроме своей маленькой барабанной палочки и, может быть, маленького барабанщика. Счастливые деньки и вечера, которые я проводил с Зоей, подходили к концу.

---

⁶ Женщины, не обижайтесь на слово «старуха». В 25 лет все женщины старше 30 кажутся очень старыми.

Оставался один вечер и одна ночь до приезда Володи. Зочка всему быстро училась, по крайней мере, старалась. Но все-то у нее получалось как-то коряво, не в такт со мной. Иногда получалось, что в самый нужный момент я терял ее, и прерывалась вся моя страсть. И вообще мне показалось, что она достаточно холодна и не умна. Я почувствовал, что получив от меня опыт общения с женщиной, она меня бросит первая, а этого я допустить не мог. И все равно мне досталась редкая женщина, телом которой я мог наслаждаться бесконечно.

«О, Ферри! Ты знаешь, между нами что-то идет не так. Я так устала, ведь ночью я сплю два-три часа, а остальное время ты спать мне не даешь. Ты очень любвеобильный. С Семей мне было спокойнее. Посмотри на меня». Она придвинула ко мне свое лицо, чтобы продемонстрировать якобы появившиеся морщинки под глазами. И правда, выглядела она усталой. Я подумал про себя: «А в чем я виноват? Если на пару тысяч мужчин попадаете только одно такое редчайшее тело, да еще не умеющее ценить себя». Я подумал, что пришла пора отдать Семей то, что у него забрал.

«О, Ферри! У меня все болит!» «Что болит?» «Язык, грудь и там болит», – она показала ручкой куда-то вниз по направлению к ногам. Интересно, Зочка! Вот у тебя все болит, а как ты думаешь, у меня ничего не болит? Я что, железный, что ли?

Ее последнее заявление еще больше подтвердило меня в желании с ней расстаться. На душе было очень плохо. Рас-

статься с этой чудесной шелковой грудью, расстаться с чувственными полными губами, расстаться с чудесными волосами, коса из которых не умещалась в ладони. Как расстаться с ее интимнейшей частью, очень красивой, которая просто заволакивала и поглощала меня целиком. Но время подошло. Наступило утро. Я встал, оделся, она тоже.

Я еле удержался от соблазна откусить кусочек от ее тела и груди, наклонился, поцеловал в сладкую складку между ее грудями, поцеловал в губы, обещав позвонить, и мы расстались.

Приехал Володя. Я отдал ему ключи и, ничего не рассказав, пришел домой. Одиночество охватило все мое существо. Черт побери! У нее, видите ли, все болит. В конце концов, ты имела дело со страстным мужчиной. Я много знал женщин и видел, какие они были по утрам радостными, навоя марафет, и какими они были колкими и раздражительными после проведенной плохой ночи. Если были счастливы, то, наверно, благодарили меня как хорошего садовника, который никогда не забывал орошать их садик по утрам, как и полагается в молодости всем делать. Иди к черту со своими болями! Станешь старушкой и будешь звать меня: «О, Ферри, приди ко мне и наломай, как следует, мои косточки». Но я не приду. У меня у самого болят все косточки, только не из-за Секса, а из-за старости. Поздно-поздно, Зочка! Если держишь все в голове, чему я тебя научил, то и наслаждайся сном, если, к большому счастью, он придет к тебе. Пришла

серая, безысходная пора. Пришли сумерки жизни, и ты никогда не присядешь на мужской член...

Итак, после горестного расставания я просидел дома четыре дня один. Занимался чтением. Я большой книголюб. Книги читаю за один-два дня. Затем я подумал: «А ну все это к черту! Книги останутся на сотни лет, а молодость моя через десяток лет уйдет в небытие». За эти дни я придумал замечательную идею и решил воплотить ее в жизнь. Вечером я перешел улицу Горького и увидел моих четырех друзей, по которым очень соскучился. Володя, Женя, Александр и Виктор стояли, как всегда, в восемь часов вечера около памятника Долгорукому на «Бродвее». «Ферд! Ну, наконец-то! Мы по тебе соскучились. Не заходили, потому что не хотели тебе мешать с Зоечкой». Прежде чем приступить к изложению моей замечательной идеи моим друзьям, я немножко отвлекусь. Я уже писал о нашей главной улице, улице нашей юности. Еще раз напишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.